

Марьям Исакова

Марьям Исакова родилась в 1953 г. в городе Шумиха Курганской области. Живёт в Челябинске.

Училась в Челябинском филиале Московского государственного гуманитарно-экономического университета по специальности «экономика». Рабочий стаж автора – сорок четыре года в разных сферах: рядового рабочего до руководителя среднего звена, из них пятнадцать лет индивидуальным предпринимателем. В настоящее время работает воспитателем в детском саду.

Присвоено звание «Ветерана труда Челябинской области» (2009).

Выпускница Литературных курсов 2023 г.

Пишет стихи и прозу. Данная публикация – дебютная.

Посвящаю своему отцу Файзрахману Хаппановичу Валееву

В середине шестидесятых годов в Советском Союзе началась кампания по выявлению изменников Родины во времена ВОВ. И я слышала от своих сверстников ехидную насмешку: «ха, ха, твой отец пленник...». Красную звездочку на воротах дома, которая олицетворяла, что здесь проживает участник ВОВ, безобразно расковыряли. Но мне, подростку, не было стыдно за отца. Я гордилась и жалела его. Бросалась в драку со своими обидчиками. Отца в очередной раз увольняли с работы. Я подслушивала разговоры родителей. Мама настолько уверовала отца, что он самый лучший, любящий отец троих детей, что в голосе его чувствовалась уверенность в себе. Шёпотом перебирали всех знакомых, кто бы мог отца устроить на работу хотя бы грузчиком.

До призывного возраста отец закончил семилетку, работал в геологической партии статистом, заполнял журналы – описи, профессия называлась «журналист». Закончил ускоренные курсы механика водителя танка. Демобилизовавшись после войны, устроился на работу кондуктором на железную дорогу. Были оформлены документы и ходатайство от руководства службы движения в Курганское отделение Южно-Уральской железной дороги на курсы машиниста паровоза. Строились планы. Но клеймо пленника ещё раз ударило его по самолюбию, как когда-то при демобилизации с военной службы: всех награждали орденами, медалями, а фамилию Валеева Файзрахмана вычёркивали из списка – бывшим пленникам не положено.

Войну он закончил рядовым Пушечно-артиллерийского полка №2112, в составе Армии Рокоссовского. Наиболее отличившихся воинов возили в Берлин к Рейхстагу, мой отец был в их числе. Когда он рассказывал, как их подразделение тоже оставили надписи на колоннах поверженного Рейхстага, я подумала: «Как же так? Мой отец – Победитель такой жестокой войны, где он хлебнул сполна ужасы ада в плену, унижения на допросах СМЕРШа, выжил в штрафбате и не был в Москве?» И в майские дни сорокалетия Победы мы с отцом, гордые и счастливые, встречали праздник на Красной площади.

Представленный рассказ – маленький эпизод из военной жизни моего любимого отца.

Летела Ангелом Небесным

Очерк

Осень 1943 года выдалась слякотной: беспрепятственно шли дожди вперемешку со снегом. Раскисшая днём земля, обдуваемая ветром, ночью покрывалась ледяной коркой. Солдаты, смертельно уставшие от ежедневных напряжённых боёв, жестоко страдали от непогоды.

В одну из таких ночей случилась эта история.

Линия переднего края фронта сдвинулась, и связь оказалась перебитой.

– Один, второй, третий... Погибли, чёрт возьми, – сплёвывая грязь с песком, нарушил молчание

капитан, оторвавшись от стереотрубы, в которую он наблюдал за солдатами на позициях. – Снайпер-вражина отстреливает телефонистов наших, как птиц на натянутой проволоке!

– Они кабель тянут, ищут обрыв, а обрывается их жизнь почём зря, – вступил в разговор командир связистов.

– Слушай, а где наш солдат из штрафников? Как его зовут? – спросил озабоченно командир полка.

– Валей – то ли имя, то ли фамилия. Он, видимо, со смертью дружит, как-то договаривается.

Выжил, хотя и в СМЕРШЕ его канителили.

– Слыхал, солдат он неторопливый, но смекалистый. И в штрафниках как-то уворачивался от пуль, – добавил про солдата командир полка полковник Самохвалов Георгий Иванович.

Разговор двух офицеров прервал адъютант комполка.

– Товарищ командир! Разрешите обратиться? Я знаю его, он из третьего взвода.

– Валяй, иди за ним, да не задерживайтесь!

Рядовой Валеев Файзрахман получил от командира задание: найти повреждение обрыва провода и починить его. Телефонист молча отдал честь, повернувшись кругом, пошёл собирать свои нехитрые приспособления: линейную сумку с комплектом инструментов, топорик, сапёрную лопатку. И вот в скором времени Файзрахман полз через нейтральную полосу, подтягивая за собой катушку с кабелем.

Позиционная полоса простреливалась лучами прожекторов. Солдат, прижимаясь к земле, животом чувствовал каждый бугорок, каждый камешек. Он медленно продвигался вперёд, озираясь вокруг. Добравшись до первого убитого, Файзрахман взвалил его на себя и пополз дальше, ошупывая голыми руками холодный провод, проложенный телефонистом, которого посылали перед ним. Теперь тот, предыдущий солдат-телефонист, мёртв. И его, Валеева Файзрахмана, вражеские наблюдатели постараются уничтожить, а если не убьют сразу, а только подстрелят, то это сделают свои снайперы. Таковы негласные законы войны.

Солдат вспоминал свою работу в немецком плену: как он каждое утро забирал из барачных тел умерших и свозил их на тачке в ров, за территорию лагеря. Сначала он считал мёртвых, но потом перестал, счёт потерял. Глубокой осенью 1941 года их, советских военнопленных, насчитывалось в одном из филиалов лагеря смерти Освенцим восемьсот человек, а к весне 1942 года осталось только двести человек, больных и немощных. Файзрахман вытаскивал тифозные скелеты из медицинского барака голыми руками, но всё-таки выжил, хотя многие доходятяги, сборщики трупов, на второй, третий день уже не откликались на утренней лагерьной перекличке. В немецком рабстве мусульманин Файзрахман благодарил Аллаха, что он продлевает дни его жизни.

Сейчас, думая об убитом солдате, который служил ему защитой и щитом, благодарил Аллаха и за это. Окоченевшее тело не издавало трупного запаха. Боец прикладывал невероятные усилия, чтобы тащить труп вперёд.

После утомительного передвижения вдоль нейтральной полосы связист почувствовал страшную усталость. Но связист ощущал не тяжесть трупа немца, с которым слился в единое тело: его наполнила безысходность на поле боя – он был один, а справа и слева его ожидала смерть. От снайперских выстрелов тело убитого содрогалось. Файзрахман, как опытный боец, отчитывал время

на перезарядку снайперской винтовки и старался двигаться только между выстрелами. Увидев невдалеке воронку, телефонист решил спрятаться и передохнуть.

Механик-водитель танка Т-26 Валеев Файзрахман Хаппанович встретил первый день войны в пограничном отряде в Белостоке. После долгого отступления он с горсткой солдат попал в окружение. Однажды голодных и уставших окруженцев хозяин какого-то хутора пустил на ночлег, а наутро сдал местным полицаям.

Пленение. Польша. Освенцим...

Самым жестоким в плену было наказание шомполами. Голого Файзрахмана положили на плаху, крепко связали руки и ноги. От первых пяти ударов тело корчилось, извивалось от нестерпимой боли, он кричал, пока не пересохло в горле. Кожа полопалась, потекла кровь, тело онемело. Он тупо считал удары и уже на пятнадцатом-шестнадцатом ударе лишился способности чувствовать. После двадцати пяти ударов его облили водой. Сотоварищи из блока волоком затащили в барак и уложили на нары. Он знал, что, если утром поднимется к построению, будет жить. Когда Файзрахман очнулся, его выручил сосед по нарам: предложил кусочек комкового сахара. Так он смог подняться.

Унижали в плену так, что человека, полного достоинства, превращали в быдло. Бывало, отбирали из военнопленных колхозников на сельскохозяйственные работы для польских помещичьих хуторов. В хуторе управляющий объявил, что русских непотребно кормить, они и так своруют. Ночевали в сарае вместе с животными, украдкой пили сырые яйца, а лакомством на ужин была тёплая варёная брюква, которую вылавливали в лохани для свиней. Недовольные свиньи громко хрюкали и в борьбе за пищу могли откусить человеку пальцы.

Пройдя все круги ада, солдат смог выжить. А после ему с группой военнопленных удалось бежать. Но возвращение на Родину не принесло радости: он испытал унижения и избиения на допросах в СМЕРШЕ такие же, какие испытал в плену. Однако Файзрахман никогда не жаловался, а, напротив, смиренно благодарил Аллаха, что тот оберегает его. Но временами тяжесть былых испытаний становилась невыносимой. А тут ещё вражеский снайпер выпускал откуда-то из темноты смерть на его поиски. Определив рост немца в три аршина, солдат прикинул, что до того бугорка, где намечалась воронка, ему придётся тянуть и проталкивать свой щит вперёд семь раз.

...Сбросив отяжелевший труп, боец передохнул немного и осторожно, перекатом, сначала сам перебрался, следом и катушку перебросил в воронку через бруствер. Оказавшись на дне, наткнулся он на что-то мягкое, тёплое. На миг в сознании затеплилась слабая надежда: живой человек! Гнетущая безысходность сменилась радостью, что здесь свой товарищ по несчастью, такой же заплутавший в темноте. С ним можно перекинуться парой слов, а если нужна помощь, то помочь ему – тоже доброе дело.

...Она лежала на дне воронки. Дрожащими руками прикрывала окровавленный живот. Через страдания возвращалась девушка-санитарка к жизни и что-то бормотала.

– Жива, сестричка! – радостно обратился к ней солдат.

Она кивнула головой и слабым шевелением коченеющих пальцев попыталась позвать к себе. Файзрахман сноровистым движением снял шинель с убитого, лежащего рядом, и укрыл ею раненую санитарку. Боец умом понимал, что девушка умирает, но пока ещё она жива! Поговорить, обогреть её теплом, облегчить присутствием её боль, с которой она мучилась одна в этой крошечной темноте. На какой-то миг всё улетучилось. Все тяготы, что его терзали, исчезли – словно и войны-то нет вокруг, а во всей Вселенной существуют только он и она. Раненая девушка, казалось, почувствовала то же и попыталась улыбнуться. А юноша и слов-то не мог подобрать красивых и ласковых, настолько его душа очерствела за эти годы.

– Не горюй, не грусти, я вернусь за тобой.

Это всё, что он мог выдать из себя. Боец склонился над её лицом, пытаясь дыханием обогреть девушку. Когда к ней снова вернулось сознание, она бледными искусанными губами прошептала:

– Закрой мне глаза!..

Солдат торопливо кивнул, опять ободряюще улыбнулся сестричке, вытер о шинель ладони и осторожно прикоснулся к щеке девушки. Её губы задрожали в последнем предсмертном вздохе и застыли. В остекленевших глазах Файзрахман прочитал благодарность и надежду. Он осторожно закрыл глаза погибшей санитарке и обернул ей голову шинелью.

Перед тем, как выползти из воронки, связист

оглянулся, чтобы проститься. Неподвижное тело девушки было похоже на жертву охотника, которому было лень искать подбитую добычу. Водрузив на спину катушку, солдат выбрался, осмотрелся по сторонам и пополз налаживать связь.

Вдруг в ладонях Файзрахмана появилось тепло: будто он гладит нежную девичью щёку. Ему показалось, что девушка мелькнула перед его глазами: летела впереди него, обернулась и взглядом помянула его к себе. Он повиновался. Что-то заставило его встать и бежать прямо на минное поле. Какая-то неведомая сила, точно на крыльях, тащила его. Ноги бежали сами, а в теле чувствовалась лёгкость, окрылённость своей смелостью и удачью. Словно он не петляет заячьими прыжками между минами, а порхает, гонимый лишь одной мыслью: дойти, протянуть за собой кабель, пока мгла ещё не рассеялась.

Связист лежал в траншее в ожидании следующего распоряжения командира связи. В сладкой полудрёме боец уловил светящийся взгляд раненой санитарки, дарящий тепло и спокойствие. Миг – и всё улетучилось. От испуга солдат резко встрепенулся. Подобрал ноги под себя. Обнял их, склонив голову к коленям. Закрыв глаза, он опять представил спокойный ласковый взгляд и горячо поблагодарил её.

Её, оставленную где-то там, в грязной воронке на нейтральной полосе. В мыслях сквозило не выразимое словами наслаждение, понятное одному ему и, как он надеялся, ей. Парень внутренне повторял сам себе, что выполнил её последнюю просьбу – закрыл ей глаза. И в благодарность летела она с ним Ангелом Небесным через минное поле...